

му соглашению двух императоров опасный соперник Наполеона Карл был отправлен в отставку. Но эхо Асперна, надежды, связанные с первыми победами над Наполеоном, вселили оптимизм народам Европы. Миф о непобедимости корсиканца был развеян.

Они были лично знакомы. Наполеон весьма почтительно относился к Карлу Австрийскому. Карл был даже его представителем при бракосочетании с Марией-Луизой. Покинув в 1809 году пост военного министра, он с головой ушёл в мир солидных работ по военному искусству. Наряду с Наполеоном и Карлом Клаузевицем, Карл Австрийский стал классиком этого жанра. Но для человека сильной энергии и амбиций, быть может, это была своя Святая Елена. В некотором смысле, он повторил судьбу своего великого противника.

СУДЬБА ЮЗЕФА ПОНЯТОВСКОГО, МАРШАЛА ФРАНЦИИ

После трёх разделов Польши большинство поляков связывала свои надежды с Наполеоном, мастерски эксплуатировавшим их боевые качества и личную преданность императору. Император Александр, организовавший европейскую коалицию против Наполеона, решил по совету искренно преданного ему князя Чарторыйского соединить под своим скипетром разрозненные части Речи Посполитой и объявить себя польским королем. Прусский король Фридрих-Вильгельм III, устранившийся от коалиции и даже вставший на сторону Наполеона, испугался за свои польские владения и пригласил Александра в Берлин. Оба монарха, не без участия обворожительной королевы Луизы, заключили в мавзолее Фридриха II в Потсдаме «вечный союз». Таким образом, были разрушены надежды польских сторонников Александра. С тем большим сочувствием многие из них стали следить за победоносными кампаниями Наполеона, разбивавшего наголову армии коалиции.

И вот тогда Наполеон решил воспользоваться услугами поляков против русско-пруссских союзников. Ко-

стюшко, не доверявший Наполеону, отказался от его предложения. Организацию новых легионов взял на себя Генрик Домбровский и по согласованию с Наполеоном было поднято знамя восстания в Познани. Народ обезоружил в городах прусские гарнизоны. Приближение французов вызывало беспримерный энтузиазм, сыпались денежные пожертвования на организацию войск, народ обнимал солдат, энтузиасты даже целовали их копей. Наполеон, въехавший в Познань, отвечал на пламенные приветствия поляков уклончивыми фразами типа: «ваша судьба в ваших руках», «посмотрим, как будут вести себя на войне поляки» и бесцеремонно требовал всего, что было необходимо на содержание его армии. В декабре 1806 года он прибыл в Варшаву. Все способные к военной службе жители столицы спешили под французские знамена. Потребности императорских войск в продовольствии и фураже с готовностью удовлетворялись польским населением.

В соответствии с Тильзитским миром 1807 года возникло независимое Варшавское герцогство, образованное из областей, отошедших к Пруссии во время первых разделов Польши. Новое государство занимало 1860 кв. миль с 2.400.000 жителей. Великим герцогом варшавским стал союзник Наполеона саксонский король Фридрих-Август. Хотя это маленькое образование не могло удовлетворить запросы поляков, проливших столько крови в войнах Наполеона, оно всё-таки имело большое значение в жизни народа, так как поляки получили возможность жить согласно своим национальным ценностям. В администрации, в школах, судах был введён польский язык. Во главе правительства стояли преимущественно участники великого сейма, восстания Т. Костюшко и эмиграции, старавшиеся успокоить неудовлетворённое миниатюрным государством общественное мнение и сделать всё возможное для процветания маленькой страны. Граждане герцогства добровольно обложили себя громадными налогами на общественные цели. Деревенские и городские средние школы появились в небывалом количестве. Были основаны высшие школы правоведения

и медицинских наук. Кадетские корпуса были созданы по французским образцам.

В 1808 году, по договору с Наполеоном, Варшавское герцогство было вынуждено отправить в Испанию польские полки, прославившиеся там во многих битвах этой бесславной кампании. Вследствие проигранной Австрией в 1809 году войны и заключения Шенбрунского мира, территория герцогства Варшавского была увеличена присоединением к ней западной Галиции, входившей в состав австрийских владений после Второго раздела Польши. Численность армии была также повышена до 60 тысяч, крепости Торн, Модлин, Прага и Замостье были укреплены новыми сооружениями.

После второго раздела Польши и взятия Варшавы Суворовым в 1794 г. имения участника восстания и сподвижника Т. Костюшко князя Юзефа Понятовского, племянника последнего польского короля, были конфискованы. Отказавшись принять приглашение Екатерины II служить в российской армии, Понятовский получил предписание оставить Польшу и выехал в Вену. Павел I вернул имения Понятовскому и снова пытался привлечь его на русскую службу. В 1798 году Понятовский приезжал в Санкт-Петербург на похороны дяди и оставался там несколько месяцев для улаживания имущественных и наследственных дел.

Потом Понятовский уехал в Варшаву, к тому времени занятую Пруссией (по итогам второго раздела Польши). Осенью 1806 года, когда прусские войска под натиском Великой Армии Наполеона готовились оставить Варшаву, Понятовский принял предложение короля Фридриха Вильгельма III возглавить городскую милицию, но с приходом войск Мюрата перешёл на службу к Наполеону. В 1807, году после заключения Тильзитского мира, он стал военным министром великого герцогства Варшавского.

В апреле 1809 г. польские части князя Понятовского получили боевое крещение – выбили из Варшавы австрийские войска, начавшие вторжение в герцогство, несмотря на то, что численность австрийской армии

превышала польскую более, чем в два раза. Затем освободили Сандомир, Замостье, Люблин, Львов и Краков. Эти успехи принесли Понятовскому огромный военный авторитет, большое уважение и любовь польского населения и армии, подтвердили высокую боеспособность польских войск.

В 1812 году на поляков обрушилась новая война, объявленная Наполеоном как Вторая польская война. 80-тысячная армия, цвет польского народа, присоединилась к армии Наполеона, двигавшейся на восток. В Варшаве заседал в это время сейм под председательством князя Адама Чарторыйского. Когда появились первые прокламации Наполеона, называвшие новую войну с Россией «польской войной», восхищенный Тадеуш Матушевич, бывший депутат четырёхлетнего сейма, а в то время министр финансов герцогства, воскликнул в заключение своей речи: «Польша воскреснет! Польша уже существует!»

Наполеон не переставал поддерживать из Литвы надежды поляков. В шапке и шинели польского офицера он осмотрел берега Немана, приехав же в Вильно, сказал генералу Выбицкому: «Если бы я был поляком, я бы думал и действовал так, как вы... я люблю ваш народ... и одобряю все, что вы сделали.... Если ваши желания и усилия будут солидарны... можете надеяться... пусть только Литва, Жмудь, Витебск, Могилев, Волынь, Украина и Подолия докажут, что они проникнуты тем же духом, который я видел в Великой Польше, – и ваше святое дело увенчается успехом».

В русской кампанию 1812 г. князь Юзеф Понятовский командовал 5-м корпусом Великой Армии, целиком состоявшем из поляков. Он отличился в сражениях под Смоленском и Бородино. В Бородинском бою корпусу Понятовского было предписано двигаться по старой Смоленской дороге и, сломив сопротивление русских в районе Утицы, помочь главной французской атаке против Семёновских флешей. Но здесь князь встретил упорнейшее сопротивление корпуса Тучкова. Утицу захватить ему удалось, однако поляки большую часть сил потратили на то, чтобы овладеть Утицким курганом и

только к пяти часам вечера Понятовскому удалось сломить сопротивление русских, захватить курган и выйти на левый фланг русской армии. Польский корпус был вымотан и обескровлен в ходе боя.

При отступлении из Москвы по Смоленской дороге, у Вязьмы корпус Понятовского оказал совместно с корпусом Богарне помощь арьергарду армии Наполеона, который был отрезан от остальной французской армии войсками Милорадовича. После отступления из России князь очень тяжело переживал потерю большей части польского корпуса и почти всей артиллерии.

Вскоре Понятовский заново создал польскую армию. Отвергнув предложение императора Александра I перейти с польскими войсками на его сторону, он в феврале 1813 г. отступил из Варшавы к Кракову, а затем вывел войска в Саксонию. В битве у Лейпцига солдаты Великой Армии, в том числе поляки, сражались героически, проявляя чудеса стойкости и мужества. Весь день 16 октября 1813 г. 8-й польский корпус отражал непрерывные атаки союзников на юго-западе. Наполеон, восхищенный мужеством поляков, присвоил польскому командующему звание маршала Франции. Но носить маршальские регалии Понятовский смог только три дня.

18 октября сражение вспыхнуло с ещё большей силой. Но перевес сил был уже на стороне союзников, так как саксонская армия внезапно перешла в лагерь союзников, повернув орудия против своих бывших союзников. Император приказал Великой Армии отступать. Прикрывать отход было поручено маршалам Понятовскому и Макдональду. Союзные войска были уже в городе, когда французы по приказу маршала Бертье взорвали мост на реке Эльстер, когда войска прикрытия ещё не успели отойти. Раненый маршал Понятовский сел на коня и поддерживаемый адъютантами попытался переплыть реку вплавь. Добравшись до берега, он попытался на него взобраться, но был вновь ранен, упал в воду и утонул.

На острове Святой Елены Наполеон говорил, что считал Понятовского рождённым для трона: «Настоящим королём Польши был бы Понятовский, он обладал

для этого всеми титулами и всеми талантами... Это был благородный и храбрый человек, человек чести. Если бы мне удалась Русская кампания, я сделал бы его королём поляков».

«ИЗМЕННИК» БАРКЛАЙ

Дед Михаила Богдановича Баркляя де Толли был бургомистром Риги, а отец служил в русской армии и вышел в отставку поручиком. Юный Барклай, по обычаю своего времени, в 1767 году был записан на военную службу капралом в Новотроицкий кирасирский полк. Барклай де Толли принял участие в осаде и штурме Очакова армией Г.А. Потемкина 6 декабря 1788 года. За отличия молодой офицер был награжден Владимирским крестом 4-й степени и чином секунд-майора и переведён в Изюмский легкоконный полк. В этой должности Барклай де Толли находился в авангарде армии князя Г.А. Потёмкина, разбившего 13 сентября 1789 года сильный турецкий корпус под Каушанами, а затем участвовал во взятии крепости Аккерман и занятии Бендер.

Барклай участвовал в польской войне 1794 года, отличившись при взятии Вильны и разгроме близ Гродно отряда полковника Грабовского. Наградой молодому офицеру стал орден Св. Георгия 4-й степени и чин подполковника с переводом в Эстляндский егерский корпус командиром батальона. В 1798 году Барклай был назначен шефом этого полка и произведён в полковники, а в 1799 году за отличное состояние своего полка был произведен в генерал-майоры.

В кампании 1806-1807 годов генерал Барклай де Толли отличился необыкновенным хладнокровием, распорядительностью в бою и верным военным взглядом. Его распорядительность и мужество в сражении под Пултуском, где он командовал правым флангом, доставило ему орден Св. Георгия 3-й степени. При Прейсиш-Эйлау Барклай де Толли был ранен в правую руку с переломом кости и в беспомощности вывезен из боя. Раненый Барклай де Толли был перевезён в Мемель, здесь его посетил император

Александр и после продолжительного разговора проникся полным доверием к его военным взглядам. Этот случай послужил основанием необыкновенно быстрой карьеры молодого генерала. Генерал-лейтенант Барклай де Толли в апреле 1807 года был назначен начальником пехотной дивизии, но рана помешала Михаилу Богдановичу принять участие в окончании войны.

Во время войны со Швецией в феврале 1809 года Барклай де Толли получил назначение в действующую армию. Ему поручалось командование войсками, предназначенными для перехода через пролив Кваркен. Ширина этого пролива достигает ста километров, зимой он замерзает, но сообщение по льду было чрезвычайно опасным вследствие широких полыней и трещин. Рекогносцировки показали, что шведы не догадываются о плане русских, о том, что переход возможен, хотя и будет сопряжен с величайшими трудностями. Тем не менее, через три дня переход был совершён, и корпус Барклая достиг города Умео, причём «понесены были труды, единственно русскому преодолеть возможные». Захваченный врасплох неприятель не мог оказать серьёзного сопротивления, и результатом этого подвига было заключение долгожданного мира со Швецией. За этот поход Барклай де Толли был награждён чином генерала от инфантерии и назначен финляндским генерал-губернатором. Такое быстрое возвышение малоизвестного генерала вызвало сильное недовольство у обойдённых им сверстников, некоторые из которых подали даже в отставку (Д.В. Голицын, П.С. Строганов).

В 1810 году Барклай был назначен военным министром. Тем временем, Наполеон активно готовился к вторжению в Россию. Шла идеологическая обработка общественного мнения и армии: «Россия не выполнила своих обязательств в отношении к Франции, которая основывала свои требования на мирном договоре, заключённом в Тильзите. Петербургский кабинет отвечает, что не даст никаких объяснений, пока французская армия не отойдёт обратно за Рейн. Мои верные союзники были бы брошены на произвол державы, которую собственный жребий влечет к гибели!» – Затем следовало обращение к солда-

там: «Или, может быть, они думают, что вы переродились? что вы не те же храбрые воины Аустерлица и Эйлау? вы, которые этой последней битвой решили успех Польской войны!.. Мы заставим Россию отказаться от всякого влияния на дела Европы».

Наполеон и его окружение не делали особых различий между странами побеждённой Европы и Россией: французские солдаты надеялись найти в России те же средства, которые они находили в Германии. Им была известна храбрость русских, но Наполеон и его генералы старались их уверить, что русские крестьяне, испытывая сильное желание свободы, соединятся с французской армией для истребления помещиков и что война окончится до наступления зимы. Таким неподготовленным, как в 1812 году, Наполеон не начинал ни одну свою военную кампанию. Свидетельства его современников не оставляют ни малейших сомнений в том, что несмотря на внешнюю помпезность приготовлений Наполеон не был готов к большой войне. Скорее всего, он рассчитывал на то, что вторжение устроит Александра I и тот пойдет на мирные переговоры.

С начала перехода через Неман 24 июня 1812 года во французской армии сложилось два мнения об отступлении русских. Одно, которое разделяли маршалы, заключалось в том, что русский главнокомандующий, военный министр Баклай де Толли своим постоянным отступлением хотел ослабить французскую армию, в особенности кавалерию. Другое, которое было в ходу между молодежью, незнакомой с храбростью русских и которое старался поддерживать Наполеон, состояло в том, что русская армия отступала из-за трусости и что Барклай де Толли не был полководцем, способным бороться с Наполеоном.

Но и сам Наполеон не был готов к крупномасштабной и длительной войне с Россией. Французская армия надеялась найти в Москве всё необходимое и отдохнуть в ней от всех перенесённых лишений. Как солдаты, так и большая часть офицеров не переставали расспрашивать у изредка попадавшихся им навстречу крестьян: далеко

ли до Москвы? По этому уже можно судить о нетерпении их добраться до этого города. Генералы и офицеры постоянно повторяли, что Москва близка и что в ней кончатся страдания солдат. Все продовольственные запасы армии заключались в небольшом количестве сухарей, заготовленных в Данциге и Эльбинге, последние прибыли в Вильну только в октябре. В Пруссии французская армия, не исключая генералов, снабжалась продовольствием за счёт обывателей. В Литве солдатам выдавалось немного муки, но когда не стало ни крупы, ни ячменя, то в армию (и то не во все корпуса) поставлялось одно мясо.

Французская армия стала ощущать недостаток в провианте ещё за два перехода до Немана. Только в некоторых корпусах, составлявших авангард, имелся хлеб; в самой же армии было одно мясо. Бывший офицер штаба Бертье Александр Шмидт считал, что война с самого начала выглядела как дилетантская афера одного человека – императора. Наполеон даже и не намеревался собирать военные советы для обсуждения плана войны. Наполеон не остался в Смоленске, полагая, что, если удастся выиграть одно большое сражение, ему можно будет диктовать русскому правительству условия мира по своему усмотрению. Движением во внутренние районы страны он надеялся распространить повсюду ужас, взволновать крестьян и привлечь на свою сторону всех иностранцев, проживающих в России.

Главкомандующий русской армии Барклай де Толли, несмотря на незаслуженные обвинения в измене, продолжал уводить армию от неминуемого окружения. Доводы генерала Багратиона казались ему убедительными, но он знал с каким противником имеет дело. Собранный им военный совет одобрил наступление на Витебск, как вдруг пришло известие, что Наполеон направляется к Смоленску, и Барклай приказал остановиться. Этим воспользовался Наполеон. У него возник план обойти армию Барклая справа и занять Смоленск, оставшийся без прикрытия, отрезав русским отступление по Московской дороге.

К счастью, этот план не удался. Исполнению его поме-

шали войска генералов Д.П. Неверовского, Н.Н. Раевского и И.С. Дорохова. 190 тысяч французов встретили под Красным неожиданное сопротивление со стороны 8-тысячного отряда генерала Неверовского. Отряд этот свернулся в каре и совершил редкое по мужеству и стойкости отступление, пройдя 23 версты по открытой местности и отбив 40 непрерывных атак. С трудом добрался Неверовский до Смоленска, где соединился с корпусом Раевского.

Наполеону не удалось захватить город и заставить защитников врасплох. Раевский во главе 16-тысячного отряда занял Смоленск и отбивался от неприятеля до самого прихода 1-й и 2-й армий. Когда они подошли, Наполеон прекратил бомбардировку города и стал готовиться к генеральному сражению в открытом поле, но расчёт его опять провалился. Барклай не рискнул сражаться под Смоленском и отступил с обеими армиями по Московской дороге в поисках места, более удобного для решительной битвы. В Смоленске, для прикрытия отступления, был оставлен корпус генерала Д.С. Дохтурова.

Наполеон понимал, что ему необходимо взять Смоленск. Начался штурм. Французы – участники сражения называли его «самым кровавым делом, которое им когда-либо приходилось видеть». Русских погибло до 6 тысяч, а французов – до 12 тысяч. Неприятелю достались дымящиеся, залитые кровью развалины. Никто в России не ожидал гибели Смоленска. Барклай после соединения обеих армий уверял смоленского губернатора в полной безопасности города и обнадежил, что здесь состоится генеральное сражение. Немудрено, что на Барклая стали смотреть, как на изменника и предателя. Барклай оказался заложником быстро изменяющейся ситуации и очевидного неравенства сил сторон. Как профессиональный военный он вынужден был дать приказ отступать. Тем самым, судьба Барклая как главнокомандующего была predetermined – его сменил М.И. Кутузов.

Четыре дня пробыл Наполеон в Смоленске, раздумывая: идти ли дальше или остаться здесь? Многие маршалы советовали ему остаться на зиму в Смоленске. Наполеон колебался, но, наконец, стал решительно настаивать

на необходимости идти дальше. «Надо идти в Москву, – говорил он, – здесь останавливаться нельзя. Ещё один сильный удар – и всё будет кончено». Ему возражали, что армия в плохом состоянии. «Да, – говорил он, – я знаю, что состояние моей армии ужасно; уже с Вильны половина её в расстройстве. Теперь в беспорядке две трети, а потому и нельзя тратить времени: надо вырвать мир, а он – в Москве! Армия наша такова, что остановки для неё губительны. Только движение вперёд спасёт её».

Карл Клаудевиц дал прекрасную сравнительную характеристику Кутузова и Барклая: «Прибытие Кутузова вновь пробудило в войсках чувство доверия; злой демон в лице чужестранца изгнан заклятием чисто русского человека, нового Суворова в несколько уменьшенном масштабе; теперь уже не сомневались, что в ближайшее время будет дано настоящее сражение, на котором видели кульминационный пункт французского наступления, Однако, если Барклай, спотыкаясь, как человек, потерявший равновесие и не могущий остановиться, дошёл от Витебска до Вязьмы, отступая перед Наполеоном, то и Кутузову не сразу в первые же дни удалось стать на твёрдые ноги. Он прошёл через Гжатск, который, как и Вязьма, был подожжён, и 3 сентября занял под Бородино позицию, показавшуюся ему достаточно хорошей, чтобы принять на ней сражение. На этой позиции войска тотчас же возвели укрепления. В сущности, Бородинская позиция была выбрана теми же глазами, которые выбирали все позиции для Барклая, т.е. глазами полковника Толя, и, конечно, она не принадлежала к числу лучших из тех многочисленных позиций, которые этот офицер находил пригодными для поля сражения».

Бородинское сражение, в котором Барклаю де Толли были поручены войска правого фланга и центра, примирило с ним войска и недругов, в том числе князя Багратиона. «Вряд ли оставалось в центре опасное место, – говорит о Барклае другой биограф, – где бы он не распорядился и где бы был полк, не ободрённый словами и примером его. Под ним убито пять лошадей, из его адъютантов и ординарцев немногие уцелели. Велико было прежде него-

дование против Барклая де Толли, но в Бородине общее мнение решительно склонилось на его сторону. Уже несколько недель не приветствовали его войска обычным восклицанием, но в Бородине от каждого полка гремело ему «ура!».

Действительно, Барклай, видимо, искал смерти в этом бою. Недаром он писал Государю после Бородинского боя, что «26 августа не сбылось мое пламеннейшее желание. Провидение пощадило жизнь, которая меня тяготит». Наградой за Бородинскую битву ему был орден Св. Георгия 2-й степени. При отступлении к Москве Барклай участвовал в совещании в Филях, где доказывал гибельность позиции перед Москвой и предложил отойти без боя. Вскоре после этого болезнь и моральные причины вынудили Михаила Богдановича просить у Кутузова отпуск.

Оставив армию, полководец провёл некоторое время в Калуге. При проезде через этот город обыватели выбили стёкла в его карете и кричали на всю улицу: «смотрите, вот изменник!» Потребовалось даже вмешательство полиции. После этого он прожил несколько дней во Владимире и, минуя Петербург, удалился в небольшое имение Бекгоф, купленное им в 1810 году в Лифляндской губернии. Через несколько дней Барклай получил письмо императора Александра, возвратившее ему спокойствие духа и призывавшее его к деятельности. 12 декабря, в день рождения Императора, Барклай явился в Зимний дворец и здесь убедился в непонимании и всеобщей к нему холодности. Ни один из присутствовавших не приблизился к нему, и только после того, как императрица Елизавета Алексеевна осчастливила его особенною благосклонностью, Михаил Богданович сделался предметом всеобщего внимания. Подобное незаслуженное отношение так повлияло на него, что, несмотря на свое обычное хладнокровие, он, приехав домой, заболел и слёг в постель.

В начале 1813 года он выехал за границу и 4 февраля 1813 года принял командование 3-ей армией. После поражения союзных армий при Дрездене Барклаю приказано было отступать к Теплицу по гористым, совершенно ис-

порченным от дождя дорогам. Барклай со свойственной ему проницательностью, сравнивая данную диспозицию с расположением неприятеля, обнаружил, что если её исполнить, то корпус генерала Вандама успеет занять позиции Петерсвальде, а тем временем Наполеон получил бы возможность атаковать русских и пруссаков с тыла. Для избежания этого Барклай нарушил диспозицию, двинулся правее и вечером 17 августа подошёл к Кульму, где, приняв личное начальство над войсками, на другой день совершил поражение корпуса Вандама. До 12-ти тысяч человек было взято в плен, в том числе пять генералов и сам Вандам, и с ними 84 орудия, несколько знамён, 200 зарядных ящиков и весь обоз. После Кульма Наполеон перестал контролировать события. Это был решающий поворот к поражению в войне. Барклай стал главным героем этой незапланированной победы союзников. Император Александр наградил Барклая орденом Св. Георгия 1-й степени.

В Лейпцигском бою Барклай командовал войсками центра и, подвергаясь величайшей опасности, распоряжался войсками с обычным хладнокровием. За новые заслуги он был возведён в графское достоинство Российской Империи. В 1814 году граф Барклай де Толли стал главнокомандующим русской армии, при взятии Парижа был возведён в княжеское достоинство и получил чин генерал-фельдмаршала.

По возвращении в Россию Барклай де Толли перевёл главную свою квартиру в Могилёв на Днепре. Здесь провёл он два года, неустанно организуя смотры и обучение войск. Здоровье полководца всё более и более ухудшалось. В начале 1818 года, пробыв короткое время в Петербурге, фельдмаршал отправился в отпуск в Германию, надеясь восстановить свои силы на минеральных водах, но на пути, в Инстербурге, близ Кенигсберга, скоропостижно скончался. Тело его было перевезено в Лифляндию и погребено в Бекгофе, где над прахом умершего полководца был воздвигнут великолепный мавзолей.

А.С. Пушкин в стихотворении «Полководец» дал достойную отповедь всем его недругам. Вот она, эта поэтическая реабилитация Барклая де Толли:

..... Но в сей толпе суровой
Один меня влечёт всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.
Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом – густая мгла;
За ним – военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье,
Но Доу дал ему такое выраженье.
О, вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принёс земле, тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчаньи шёл один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый не взлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплён могучим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденье;
И на полу-пути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко,
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца весёлый свист слышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти...
Вотще!

Поясняя свою точку зрения на положение Баркляе-де-Толли в 1812 году и парируя упрёки в снижении роли Кутузова, изложенные автором полемизировавшей с ним

брошюры, поэт писал: «Но ужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Баркляя-де-Толли потому, что Кутузов велик? Ужели, после двадцатипятилетнего безмолвия, поэзии не дозволено произнести его имени с участием и умилением? Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб, вы говорите, что заслуги Баркляя были признаны, оценены, награждены. Так, но кем и когда?... Конечно, не народом и не в 1812 году. Минута, когда Барклай принуждён был уступить начальство над войсками, была радостна для России, но тем не менее тяжела для его стоического сердца. Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ, ожесточённый и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окружённый враждою, язвимый злоречием, но убеждённый в самом себе, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом».

МУДРОСТЬ КУТУЗОВА

С момента соединения обеих армий возник вопрос: кто главнокомандующий, Барклай или Багратион? Император Александр не отдал на этот счет никакого приказа, но Багратион сам добровольно подчинился Барклаю, несмотря на то что до 1812 года и до своего назначения военным министром Барклай часто бывал под командой Багратиона. Подчинившись Барклаю, Багратион всё-таки не мог с этим примириться. Его возмущала нерешительность Баркляя. Багратион настаивал на необходимости дать генеральное сражение перед Москвой.

«Мне кажется, – говорил он, – что иного способа нет, как, не доходя до Москвы, собраться всем войском и даже всем народом и навалиться на неприятеля». Барклай, в свою очередь, обвинял Багратиона в недооценке сил французов и её военного вождя, который в 1805-1807

годах неоднократно наказывал русских генералов за самонадеянность. Не один Багратион был недоволен Барклаем. Жалобы на его нерешительность дошли до императора, который приказал особому комитету рассмотреть действия Барклая. Комитет признал, что необходимо назначить общего главнокомандующего над всеми действующими армиями.

Кандидатами были трое: Беннигсен, Багратион и Торماسов, но вне армии большинство желало назначения Кутузова. Александр I был недоволен им за то, что он при заключении мира с Турцией не убедил её вступить в союз с Россией, но за Кутузова стояли многие. Император вынужден был согласиться назначить его главнокомандующим и даже возвел его в графское достоинство. Перед отъездом в армию Кутузов, не любивший рассказывать никому о своих намерениях, все-таки ответил своему родственнику на вопрос: надеется ли он разбить Наполеона? «Разбить?.. Нет!.. А обмануть надеюсь».

Михаил Илларионович Кутузов обладал замечательным умом, к которому присоединялись ловкость и хитрость. Осторожен он был чрезвычайно. «Лучше быть излишне осторожным, чем слишком оплошным», – говорил он. А вместе с тем он был доблестным воином, учеником походов Румянцева и Суворова и обладал хладнокровием и находчивостью в высшей степени. В царствование Екатерины II он участвовал в двух турецких войнах и под Журжей был ранен настолько тяжело, что главный врач армии Масот говорил, что, «вероятно, судьба бережет его для чего-либо великого, если он остался жив».

Кутузов знал и любил солдат, умел внушить им безграничное доверие к себе. Одно его появление перед войсками на маленькой казачьей лошадке, в старом походном сюртуке без эполет воодушевляло солдат. В противоположность «иностранцам», Барклаю и Беннигсену, Кутузов был русский, близкий по крови и по духу человек.

17 августа Кутузов прибыл в селение Царево Займище, которое выбрали позицией для предстоящего сражения. Вместе с ним приехал и Беннигсен, назначенный начальником штаба западных армий. Войска радостно встрети-

ли нового главнокомандующего. «Приехал Кутузов бить французов», – шутили солдаты. Говорили, что, когда Кутузов появился перед армией, над головой его летал орёл. Это сочли за счастливое предзнаменование. Все ждали наступления. Кутузов осмотрел позицию, одобрил её, распорядился скорее строить укрепления, а на другой день приказал отступить.

По своей привычке не высказываться откровенно, Кутузов умолчал о том, что позиция вовсе не показалась ему особенно выгодной. Это было серьёзным поводом к отступлению. Но осторожный Кутузов не захотел сразу разочаровывать окружающих, поэтому-то он и хвалил позицию и говорил, что нельзя отступить с такими молодцами, как его солдаты. Доверие к нему было настолько велико, что приказ отступить в армии встретили без ропота. Характерно, что Барклай де Толли, который потерял должность военного министра, но продолжал командовать первой армией, также безропотно переносил свою участь. Зато Багратион не скрывал в разговорах своего сильнейшего раздражения. Он говорил, что Кутузов приведёт Наполеона в Москву.

Перед отступлением из Царева Займища к армии Кутузова присоединился отряд генерала М.А. Милорадовича, численностью 15 тысяч человек, а через три дня подошли ещё 10 тысяч – московское и смоленское ополчения. Остальные подкрепления были ещё очень далеко. Дойдя до Городища, Кутузов решил остановиться здесь, в ста верстах от Москвы.

Лучшей позиции для решительного сражения не было вплоть до самой Москвы. Неприятель надвигался. Несмотря на подкрепление, русские всё же уступали французам в численности: против 120 тысяч, считая и ополченцев, вооружённых по большей части одними пиками, во французской армии было 140 тысяч опытных солдат, испытанных в боях (новобранцев Наполеон оставлял в занятых им городах). Правда, русская артиллерия превосходила неприятельскую количеством и качеством (640 орудий против 587, причём наши были более крупного калибра), а в кавалерии лошади были свежее, чем у французов.

Солдаты сознавали, что бой будет решительный, и готовились к нему с особой торжественностью. 25 августа Кутузов велел пронести по всей линии наших войск чудотворную икону Смоленской Божьей Матери, вывезенную из Смоленска во время занятия его французами. Это произвело очень сильное впечатление. Многочисленное духовенство сопровождало икону и совершало молебны. Кутузов вместе со своим штабом встретил чудотворный образ, который несли солдаты и офицеры. Главнокомандующий поклонился ему до земли и приложился.

В русском лагере перед боем царила тишина. В течение дня Кутузов несколько раз объезжал ряды своей армии и говорил с солдатами. Он не призывал их к победам громкими призывами, как это делал Наполеон. Его простые, душевные слова были проникнуты любовью к тем, кто готовился завтра идти на смерть. Тем временем, шли боевые приготовления: точили штыки и отпускали сабли. Артиллеристы передвигали орудия, отыскивая для них более выгодные места. Солдаты, по обычаю, надевали чистые рубашки. Многие отказывались от водки, хотя погода была сырая. «Не такой завтра день», – говорили они. Даже бивачные огни разводились неохотно. Всюду царила мысль: завтра надо победить или умереть.

Французы были также возбуждены предстоящим сражением. Воображению их – людей, изголодавшихся и измученных трудными переходами, – рисовались заманчивые картины: долгожданная победа, отдых, несметная добыча.

В третьем часу утра Наполеон проснулся. Он плохо чувствовал себя в эту ночь: сильнейший озноб мучил его. «Что делают русские?» – спросил он. Ему доложили, что они стоят на месте. Это его обрадовало. Любуясь восходящим солнцем, он заметил: «Сегодня немножко холодно, но ясно: это солнце Аустерлица». В пять часов утра он сел на коня и направился к войскам, назначенным для главной атаки. Во все стороны помчались ординарцы с его приказами. В армии был зачитан приказ Наполеона: «Воины! Вот сражение, которого вы так долго ожидали. Победа зависит от вас. Она для нас необхо-

дима; она доставит нам всё нужное – удобные квартиры и скорое возвращение в отечество. Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридланде, Витебске и Смоленске. Пусть потомство с гордостью вспомнит о ваших подвигах в этот день. Да скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвой...»

На рассвете послышался первый пушечный выстрел. Услышав выстрел, Кутузов, не спавший почти всю ночь, поехал один на батарею около деревни Горки. Там он с возвышения долго смотрел на войска, строившиеся в боевые порядки. Вскоре к нему присоединился его штаб. В Горках Кутузов вместе с Беннигсеном пробыл до конца сражения. В шестом часу Наполеон приказал подать сигнал к атаке. Двинулись французские колонны, загрела канонада. Желая отвлечь внимание русских, Наполеон приказал атаковать село Бородино, находившееся под прикрытием только одного егерского гвардейского полка. На помощь поспешил 1-й егерский полк, но, несмотря на отчаянную храбрость егерей, им не удалось отбить неприятеля, превосходившего их силами, и они отступили, уничтожив за собой мост через реку Колочу.

Французы ещё не овладели Бородином, когда Наполеон направил главный удар на левое крыло нашей армии. Эта первая попытка не удалась, и в семь часов Наполеон приказал повторить атаку с новыми силами. Багратион поспешил направить к опасному месту все войска, бывшие под рукой, и просил главнокомандующего о подкреплениях. Несмотря на страшный огонь, французы шли вперед. По пути они истребили целую дивизию М.С. Воронцова. Русские яростно отбивались, французы падали, но над паавшими смыкались новые ряды и неприятель продвигался вперед. Шёл жестокий рукопашный бой.

Пасынок Наполеона, Евгений Богарне, перешёл между тем реку Колочу и атаковал Курганную высоту (батарею Раевского). 18 орудий осыпали французов градом ядер, но они перелезли через бруствер и завладели курганом. Наши уже отступали, когда появился А.П. Ермолов, начальник главного штаба армии Барклая. Ему удалось остановить отступавших в беспорядке солдат. С саблей в руке повёл

он их обратно на батарею, находившуюся в руках французов. Те собирались увозить орудия, когда колонна солдат с криком «ура» взбежала на курган, переколола французов и вернула свои орудия.

Вскоре Наполеон сделал третью попытку наступления на левый фланг русской армии. Французы шли так бодро, что Багратион пришёл в восторг и даже закричал им «браво». Видя, что картечь не останавливает неприятеля, он приказал ударить в штыки. Завязался бой. Всё смешалось: пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы дрались штыками, тесаками, прикладами, банниками. В самый разгар боя был смертельно ранен Багратион. Его сменил генерал Дохтуров, храбрый защитник Смоленска.

Наполеон понимал, что близится минута, которая решит дело, и послал свою гвардию на левое крыло русских. Кто знает, чем могла закончиться эта новая атака, но на полпути гвардия остановилась по приказу Наполеона и повернула назад. Это распоряжение было вызвано удачным манёвром Кутузова: видя опасность, угрожавшую левому крылу, главнокомандующий послал против левого крыла неприятеля кавалерийский корпус Уварова и казачьи полки атамана Платова. Уваров оттеснил лёгкую кавалерийскую дивизию французов, атаковал Евгения Богарне и отступил. Тем временем Платов атаковал тыл неприятеля и обратил в бегство его обоз. Наполеон приказал возобновить канонаду. Ядра сыпались на русские позиции непрерывно. Барклай де Толли и Милорадович находились всё время в огне, в самых опасных местах, подавая собой пример солдатам.

После канонады Наполеон послал в атаку кирасир и уланов. Наша пехота подпустила их к себе на расстояние шестидесяти шагов и обратила их в бегство сильнейшим огнем. Но силы русских были на исходе, и после второй атаки французы снова овладели Курганной батареей. Когда их конница двинулась на нашу пехоту, выступил Барклай де Толли, ведя за собой бригаду кавалергардов Шевича. После многочисленных атак Наполеон отступил на свои прежние позиции. Русские сохранили за собой почти все свои позиции, только левое крыло несколько подалось

назад.

Вид Бородинского боя был ужасен. Потери с обеих сторон были громадны. У русских выбыло из строя до 55 тысяч человек, у французов – до 50 тысяч. Кутузов потерял 22 генерала, Наполеон – 49. Недаром эту битву называли потом «битвой генералов». Многие полки в обеих армиях почти совсем исчезли. В других оставалось по сто человек и ни одного офицера. После Бородинского боя у французов осталось 95 тысяч, а в армии Кутузова только пятьдесят.

Следующий после Бородинского сражения день мог окончательно решить его исход. Кутузов приказал было вечером 26 августа готовить войска к новому бою, но ночью Дохтуров, заменивший Багратиона, доложил главнокомандующему о потерях во 2-й армии, где налицо оставалось всего 14 тысяч, и Кутузов приказал отступить к Москве. Русская армия отступала на Можайск. За нею двигалась армия Наполеона. Ночью путь французов освещался заревом деревень, из которых бежали крестьяне. Губернатор Ростопчин после Бородинской битвы писал: «Светлейший говорит, что Москву до последней капли крови защищать будет и готов хоть на улицах драться... Когда до чего дойдёт, мне надобно молодцов, и городских и деревенских; я клич кликну дня за два: а теперь не надо – и я молчу. Хорошо с топором, недурно и с рогатиной; а всего лучше вилы-тройчатки: француз не тяжелее снопа ржаного». Несмотря на все уверения, граф Ростопчин сознавал опасность и вывозил из Москвы казённое имущество, царские сокровища и церковные драгоценности. Москвичи видели это и всё меньше и меньше верили графским афишкам. Число беглецов росло с каждым днём. Москву-реку запрудили барками и судами; по улицам один за другим тянулись обозы с имуществом отъезжающих. Число их доходило до двух тысяч в день. Оставались лишь те, кто не мог выехать по каким-либо причинам. Ростопчин все-таки надеялся, что Кутузов не сдаст Москву неприятелю, и собирался вооружить оставшийся в столице народ.

Наступило 1 сентября. Разнёсся слух, что русские во-

йска подходят к Москве. Действительно, скоро показались первые полки. У Поклонной горы начали строить укрепления. К вечеру вокруг Москвы зажглись бивачные огни. Москвичи были уверены, что будет новое сражение, и поспешили в арсенал, где всем раздавали оружие. Служили молебны, духовенство собиралось идти с иконами и хоругвями на Три Горы, где должны были собраться вооружённые жители. Ночью из Москвы выехали митрополит и высшее духовенство, взяв в собой Иверскую и Владимирскую иконы. Ростопчин распорядился отправить из города последнее казённое имущество, а также все пожарные команды с бочками и трубами. Он велел также уничтожить все запасы, оставшиеся в городе, и сжёг все барки с казённым и частным имуществом, которые не успели отправить. По Владимирской дороге тянулись длинные обозы, шли толпы народа.

Генерал Беннигсен был послан отыскать у самой Москвы выгодное место для битвы. Позиция была избрана, и 1 сентября рано утром армия выступила из Мамонова к Москве, располагаясь постепенно по назначенным местам вокруг Поклонной горы. Правое крыло этой позиции примыкало к изгибу Москвы-реки впереди деревни Фили, центр находился между Волынским и Троицким-Голенищевым, а левое крыло стояло на Воробьёвых горах. Арьергард оставался у деревни Сетуни. Кутузов выехал вперёд войск, чтобы осмотреть как следует избранную позицию. На Поклонной горе он остановился. Ему была поставлена скамейка и скоро около него собрались генералы. Все долго рассуждали о том, как быть. Холмистая местность, изрытая оврагами и речками, была совсем непригодна для битвы. Неудобства позиции решили исправить полевыми укреплениями и с этой целью сооружали уже редуты на Поклонной горе. По мнению Баркляя де Толли, в случае поражения вся армия была бы уничтожена здесь до последнего человека. Он сказал присутствующему здесь Ростопчину: «Если сделают глупость и будут сражаться на этом месте, единственное, чего я желаю, – это чтоб меня убили». Кутузов всё время ничего решительного не высказывал и, выслушав Ермолова, с осо-

бенным жаром доказывавшего, что сражения здесь дать невозможно, взял его за руку и, пощупав пульс, спросил: «Здоров ли ты, голубчик?» Но Ростопчину он повторил, что Москвы так не отдаст, что и на улицах будет драться.

Между тем, по дороге от Мамонова понеслись облака пыли, из-за которой показались идущие войска, артиллерия, обозы. В раздумье, опершись на задок своих дрожжек, Кутузов долго смотрел на проходившие мимо его войска и потом в час пополудни уехал с Поклонной горы в деревню Фили, где была главная квартира.

Приняв решение, как поступить, он, однако, не объявил никакого решения генералам, сказав только на ухо принцу Евгению Виртенбергскому: «В этом случае мне приходится положиться только на самого себя, каков бы я ни был, умён или глуп». Вслед за этим граф Ростопчин, подойдя к принцу, сказал с жаром: «Если б у меня спросили, что делать, я ответил бы: разрушите столицу, прежде чем уступите её неприятелю. Таково моё мнение, как графа Ростопчина, но, как губернатор, обязанный заботиться о благе столицы, я не могу дать такого совета».

До вечера никому не было известно, на что решится фельдмаршал. В пятом часу он позвал к себе на совет генералов в избу в Филях. Ждали долго Беннигсена, который, приехав, как старший после Кутузова, поставил вопрос: «Выгоднее ли нам сражаться перед Москвою или оставить её неприятелю?» Кутузов прервал его, заметив, что вопрос поставлен неправильно, так как прежде всего необходимо раскрыть все обстоятельства. И затем сам объяснил подробно неудобство позиции и сделал вывод, что суть дела в сохранении армии. Он поставил перед генералами вопрос следующим образом: «Ожидать ли нападения в невыгодной позиции или уступить неприятелю Москву?» Мнения разделились. Беннигсен доказывал, что вообще стыдно оставить столицу без единого выстрела, что следует двинуться наступательно на центр французских войск. Барклай отвечал, что об этом следовало думать раньше, по крайней мере утром, когда ещё можно было так расположить армию и предлагал отступить за Москву, к Владимиру и Нижнему Новгороду. С

Беннигсеном согласились Дохтуров, Уваров, Коновницын и Ермолов, с Барклаем – Остерман и Толь. Остерман повторил мысль Кутузова, что Москва не составляет России, что главное – не столицу защитить, а спасти отечество, следовательно, необходимо сберечь от напрасной гибели войска. Прибывший Раевский тоже поддержал это мнение, прибавив: «Россия не в Москве, среди сынов она».

Выслушав генералов, фельдмаршал обосновал своё решение. «С потерей Москвы не потеряна Россия, – сказал он. – Первой обязанностью постановляю сохранить армию и сблизиться с войсками, идущими к нам в подкрепление. Самой уступкой Москвы приготовим мы гибель неприятелю. Из Москвы я намерен идти по Рязанской дороге. Знаю какая ответственность обрушится на меня, но жертвую собой для блага Отечества». Он встал со стула и объявил: «Приказываю отступить!»

Сохранилась ещё одна версия выступления Кутузова на совете в Филях. Выслушав внимательно мнения своих сподвижников, главнокомандующий сказал: «Я вижу, что мне придется расплачиваться за всё, но жертвую собой для блага Отечества. С потерей Москвы ещё не потеряна Россия. Считаю своей первой обязанностью сберечь армию, сблизиться с подкреплениями и самой уступкой Москвы приготовить неприятелю неизбежную гибель. Приказываю отступить». Говорят, что после этого совещания Кутузов не спал всю ночь и несколько раз плакал. В разговоре с полковником Шнейдером всегда сдержанный Кутузов сильно ударил рукой по столу и вскричал: «Это уже моё дело, где мы остановимся, но я доведу французов, как в прошлом году турок, до того, что они будут есть лошадиное мясо!».

2 сентября, в три часа утра, русский авангард вступил в Москву через Дорогомиловскую заставу. Полки двигались по улицам мимо великолепных зданий и московских святынь. Священники в полном облачении выходили из церквей и благословляли войска, кропили их святой водой. По улицам, ведущим к заставам, по-прежнему тянулись целые обозы, на телегах везли различную поклажу.

Из всех экипажей выглядывали бледные, перепуганные лица. Арьергард вступил в город уже после полудня. Проходя по улицам, солдаты Милорадовича видели раздирающие душу картины: обезумевших от ужаса жителей, оставленных на тротуарах тысяч раненых, которым нечем было помочь.

В этот же день граф Ростопчин покинул Москву. Уже за заставой он услышал три пушечных выстрела: это стреляли французы, разгоняя толпу. Наполеон вошёл в Москву.

В заключение считаю необходимым привести пространную, но блестящую характеристику Кутузова, данную его современником и участником событий 1812 г. Карлом Клаузевицем:

«Кутузов был старше Барклая на 15 лет; он приближался к семидесятому году жизни и не обладал той физической и духовной дееспособностью, которую нередко можно ещё встретить у военных в этом возрасте. В этом отношении он, следовательно, уступал Барклаю, но по природным дарованиям, безусловно, его превосходил. В молодости Кутузов был хорошим рубакой и отличался при том большой духовной «изошрённостью и рассудительностью, а также склонностью к хитрости». Этих качеств уже достаточно, чтобы стать хорошим генералом. Но он проиграл Наполеону несчастное Аустерлицкое сражение и никогда этого не мог забыть. Теперь ему пришлось стать во главе всех боевых сил, руководить на беспредельных пространствах несколькими сотнями тысяч против нескольких сотен тысяч противника и при крайнем напряжении национальных сил Русского государства спасти или погубить в целом это государство. Это были такие задачи, которые его умственный взор не привык охватывать и для разрешения которых он всё же не обладал достаточными природными дарованиями. Император чувствовал это, а потому у него снова возникла мысль самому управлять всем этим огромным целым, но на этот раз из Петербурга и не с таким беспомощным человеком, как Пфуль. Но в центре, во главе обеих западных армий, всё же самостоятельным полководцем должен был выступить Кутузов, а это, во всяком

случае, представляло одну из самых блестящих ролей, какие можно встретить в истории: вести 120 000 русских против 130 000 французов, полководцем которых являлся сам Наполеон.

По нашему мнению, Кутузов проявил себя лично в этой роли далеко не блестяще и даже значительно ниже того уровня, какого можно было от него ожидать, судя по тому, как он действовал раньше. Однако автор недостаточно близко стоял к этому полководцу, чтобы с полной убеждённостью говорить о его личной деятельности. Во время Бородинского сражения он его видел всего одно мгновение, и наряду с этим личным впечатлением он имеет главным образом в виду то мнение, которое непосредственно после сражения сложилось в армии. Роль Кутузова в отдельных моментах этого великого сражения равнялась почти нулю. Казалось, что он лишён внутреннего оживления, ясного взгляда на обстановку, способности энергично вмешаться в дело и оказывать самостоятельное воздействие. Он предоставлял полную свободу частным начальникам и отдельным боевым действиям. Кутузов, по-видимому, представлял лишь абстрактный авторитет. Автор признает, что в данном случае он может ошибаться и что его суждение не является результатом непосредственного внимательного наблюдения, однако в последующие годы он никогда не находил повода изменить мнение, составленное им о генерале Кутузове, и это, конечно, могло его лишь в этом мнении утвердить. Таким образом, если говорить о непосредственно персональной деятельности, Кутузов представлял меньшую величину, чем Барклай, что главным образом приходится приписать преклонному возрасту. И всё же в целом Кутузов представлял гораздо большую ценность, чем Барклай. Хитрость и рассудительность обычно не покидают человека даже в глубокой старости, и князь Кутузов сохранил эти качества, с помощью которых он значительно лучше охватывал как ту обстановку, в которой сам находился, так и положение своего противника, чем то мог сделать Барклай с его ограниченным умственным кругозором...

Кутузов, наверное, не дал бы Бородинского сражения, в котором, по-видимому, не ожидал одержать победу, если бы голоса двора, армии и всей России не принудили его к тому. Надо полагать, что он смотрел на это сражение как на неизбежное зло. Он знал русских и умел с ними обращаться. С неслыханной смелостью смотрел он на себя как на победителя, возвещая повсюду близкую гибель неприятельской армии, до самого конца делал вид, что собирается для защиты Москвы дать второе сражение и изливался в безмерной похвальбе; этим он льстил тщеславию войска и народа; при помощи прокламаций и возбуждения религиозного чувства он старался воздействовать на сознание народа. Таким путём создано доверие нового рода, правда, искусственно внушённое, но всё же имевшее в своей основе истину, а именно плохое положение французской армии. Таким образом, это легкомыслие и базарные выкрики хитрого старика были полезнее для дела, чем честность Барклая».

БОРОДИНСКАЯ ПОЗИЦИЯ ГЛАЗАМИ КАРЛА ТОЛЯ

Русский Клаузевиц – так называли в ближайшем окружении Карла Федоровича Толя. Впоследствии он стал генералом от инфантерии, его должность в русской армии была незаменимой, её мог исполнять только сам Карл Толь – главный подсказчик и генерал-квартирмейстер, незаменимый, скромный, но всезнающий, не теряющийся в критических ситуациях и обладавший удивительным даром убеждать коллег и главнокомандующих.

К.Ф. Толь был родом из Ревеля и принадлежал к знатной остзейской фамилии. В пятилетнем возрасте Толь был отдан в Сухопутный кадетский корпус, начальником которого был генерал М.И. Кутузов.

Так впервые встретились будущий полководец и его сподвижник. Современники вспоминали трогательную сцену урока тактики: Карлуша Толь стоял рядом с кафедрой и чертил мелом передвижение войск согласно лекции Кутузова по истории военного искусства. Толь закон-

чил учёбу в год смерти Екатерины II и 24 ноября 1796 года был выпущен поручиком в свиту императора Павла I.

В России с опаской следили за развитием событий во Франции. Когда генерал Бонапарт тайком собирал средиземноморскую эскадру для египетской экспедиции, Павел I решил, что французы намерены атаковать Севастополь. Толь был направлен в Крым с задачей укрепить береговую оборону. Затем он принял участие в Итальянском и Швейцарском походах Суворова. Так судьба одала его счастьем служить под непосредственным руководством великого русского полководца.

Карл Толь провёл эту кампанию при авангарде Милорадовича. За битву при Нови был награждён аннинской шпагой за храбрость. Карл Толь смолоду зарекомендовал себя хорошим аналитиком. При подготовке штурма укреплений Серавиллы Суворов был поражён замечаниями Толя, как можно быстро взять крепость, и тут же поздравил его капитаном. При прорыве авангарда Милорадовича через Сен-Готард он проявил чудеса храбрости. На знаменитой картине В.И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы» скатываются со снежной горы суворовские чудо-богатыри. Милорадович и Толь в этом реальном военном эпизоде были первыми среди самых смелых и отчаянных, но на картине их нет.

В начале царствования Александра I К.Ф. Толь занимался военно-топографической работой, а в 1805 году, в роковом для союзников сражении при Аустерлице, находился в штаб-квартире императора и, как говорили, помог императору спастись. В 1806-1808 годах Карл Толь служил в Молдавской армии и зарекомендовал себя храбрым офицером при штурме Аккермана, Измаила и Браилова. Но его истинным призванием была работа генштабиста (тогда это был Главный штаб с Квартирмейстерской частью).

Войну 1812 года К.Ф. Толь встретил полковником, генерал-квартирмейстером 1-й Западной армии Барклая де Толли. Начальником Главного штаба был назначен генерал А.П. Ермолов. Вскоре Толь близко знакомится с подполковником русской службы Карлом фон Клаузевицем.

Их знакомство переросло в дружбу. Клаузевиц был очевидцем разгрома прусской армии в кампании 1806 года и имел свой взгляд на события и Наполеона. Они оба поддерживали решение Барклая покинуть Дрисский лагерь и отступить вглубь России на соединение с армией Баграциона. Но после того как армии соединились у Смоленска, Толь выступил на военном совете с планом встречного наступления. План этот был принят, но реализовать его не удалось.

17 августа 1812 года в Царево-Займище в действующую армию прибывает М.И. Кутузов, первый наставник и учитель К.Ф. Толя, и Л.Л. Беннигсен. Вот как комментирует это событие Карл фон Клаузевиц: «Одновременно с князем Кутузовым в армию прибыл генерал от кавалерии граф Беннигсен, с тем, чтобы занять место начальника штаба обеих армий. Надо полагать, что Беннигсен выхлопотал себе это назначение в Петербурге, так как понимал, что ни одной из двух армий в командование ему не дадут, а он хотел получить возможность при «случае протиснуться на первое место, если бы здоровье старика Кутузова не выдержало. Мало-помалу он приобрёл некоторое влияние, впрочем, старый князь не особенно поощрял Беннигсена, которому, по-видимому, не доверял. В армии это удивительное назначение произвело почти комическое впечатление. Но генерал-квартирмейстера князь с собою не привёз, и полковник Толь по-прежнему продолжал занимать эту должность; автору неизвестно, состоялось ли его назначение генерал-квартирмейстером при главнокомандующем или же он являлся только исполняющим его обязанности. На полковнике Толе, как и раньше, лежал выбор позиции и принятие соответственных тактических мер. Таким образом, выбор позиции под Бородино и использование на ней войск также представляются в основном его делом».

Толь с Кутузовым выбирал Бородинскую позицию, был главным советником на поле сражения, исполнял его приказы под самым жестоким огнём. Рейд казаков Платова в тылы Наполеона, перевод корпуса Багговута с правого фланга в центр в критический момент боя, переброска

подкреплений для защиты ключевого пункта русских позиций, батареи Раевского, – эти распоряжения позволили сдержать отчаянные атаки французов.

На Совете в Филях звучали русский, французский и немецкий языки. Открыл совещание Беннигсен: оставить ли без боя священную древнюю столицу России или защищать её? Большинство генералов (дежурный генерал Кайсаров права голоса не имел) было за план Кутузова. При отступлении от Москвы К.Ф. Толь был назначен Кутузовым исполняющим должность генерал-квартирмейстера главной армии. В сложную зимнюю кампанию 1812 года К.Ф. Толь блестяще справился со своими обязанностями.

Весной 1813 года Толь в числе самых близких сподвижников Кутузова простился с умирающим полководцем в Бунцлау и, в свою очередь, слёг от перенапряжения и усталости. Впоследствии он участвовал в важнейших операциях 1813-1814 годов против Наполеона.

Как человек образованный и обаятельный, он ладил со всеми генералами как русской, так и немецкой партии, со Шварценбергом и Блюхером, наследным принцем шведским Бернадотом и Веллингтоном. Генерал К.Ф. Толь разгадал скрытые замыслы Наполеона под Кульмом и Лейпцигом. На поле Лейпцигского сражения Толь был произведен в генерал-лейтенанты.

Известно, за что французы не любили Кутузова. В 1815 году в одном из парижских журналов вышла статья, в которой утверждалось, что своими победами Кутузов обязан Толю. Карл Федорович немедленно выступил с публичным опровержением. Он писал, что гордится, что в 1812 году пользовался неограниченным доверием Кутузова, но всегда считал себя только исполнителем воли великого полководца.

В этом человеке сочетались несовместимые, казалось, таланты. В молодости он занимался гимнастикой, был одним из лучших актёров театра при Кадетском корпусе, любовь к литературе сочетал с искренней привязанностью к математике. Его аргументы для большой стратегии были всегда расчетливы, а личная храбрость была безупречна

даже в глазах таких отчаянных смельчаков, как генералы А.П. Ермолов и М.А. Милорадович.

К.Ф. Толь пользовался абсолютным доверием императора, проявил недюжинные способности дипломата в составе русской делегации на Венском конгрессе. 14 декабря 1825 года на Сенатской площади он остался верен присяге и был в свите нового императора Николая I. Ещё раз его судьба пересеклась с судьбой Карла Клаузевица в 1831 году. Оба участвовали в подавлении польского восстания. Живая легенда русской армии, советник Суворова, Кутузова и Барклай де Толли, не оставил военно-исторического наследия.

КАРЛ КЛАУЗЕВИЦ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ

Новые идеи вырастают из инакомыслия, нужен особый взгляд, чтобы увидеть в старой системе ростки нового, но, чтобы идеи овладели умами и совершили переворот, необходимо еще и личное мужество, вызов судьбе.

Карл фон Клаузевиц родился в 1780 году, за шесть лет до смерти Фридриха Великого. Он был третьим, младшим сыном в семье отставного прусского лейтенанта, получившего тяжёлую рану во время осады Кольберга русским корпусом П.А. Румянцева. Семья офицера-инвалида едва сводила концы с концами и отец всех своих мальчиков определил в королевскую армию. В возрасте 13 лет, в 1792 году, Карл участвовал в походе Фердинанда Брауншвейгского за Рейн против французских якобинцев, в осаде Майнца и получил первое боевое крещение.

Семь лет молодой лейтенант провёл в гарнизонах Вестфалии. Эти годы стали настоящей школой самообразования и духовного роста. Карл использовал почти всё свободное время для чтения. Уже в это время проявился философский склад ума будущего военного теоретика. Его пытливый ум хотел понять движение своей эпохи, свою страну, обозначить цели профессионального роста. Он не спешил делать карьеру. Знакомился с миром героев античности, «Историей Тридцатилетней войны» Шилле-